
I

Нехси, черный раб, отталкиваясь шестом, вел папирусную ладью с высоко задранном носом сквозь шелестящий тростник. Его тело, прикрытое лишь узкой полоской ярко-желтого схенти¹, лоснилось на солнце подобно темным камням на порогах Нила. Он излучал силу. Хатшепсут распростерлась у его ног и, опустив руку в воду, пыталась ухватить цветки лотоса, покачивающиеся на бирюзовой глади. Время от времени она поднимала блестящие соцветия на пару ладоней над водой и снова отпускала, так что они, звучно плюхнувшись, продолжали скользить по гладкой поверхности. Перед принцессой, преклонив колена, стояла служанка — еще ребенок, как и она сама, нагая, с едва развившейся грудью и пышными волосами, перехваченными налобной повязкой, — и старательно обмахивала госпожу опахалом из страусовых перьев, чтобы защитить от палящего солнца.

— Вознесем хвалу Амону-Ра, — промолвила Хатшепсут, закидывая руки за голову. — Восславим этот

---

¹ Одежда мужчин в Древнем Египте в виде неширокой полосы кожи или бумажной ткани у рабов и бедняков либо широкого полотнища — у вельмож и знати. Схенти оборачивали вокруг бедер и укрепляли на талии поясом. (Здесь и далее примеч. перев., если не указано иное.)

день, как в священный праздник Опет. Умасти меня благовониями, укрась мою шею венком из лотосов и красных пасленов!

Хрупкая служанка улыбнулась, отложила в сторону опахало и потянулась к ларцу эбенового дерева, обитому золотыми гвоздиками, который принцесса всегда держала при себе. Хатшепсут уделяла много внимания своей внешности, как и все девушки ее возраста, однако было одно отличие: дочь фараона Тутмоса могла дать себе волю в желании нравиться. Ей было дозволено обрамлять глаза душистой пастой из черного сланца, уголки глаз подводить длинными горизонтальными линиями, а лицо выбеливать свинцовым суриком, что для прочих слыло немалой дерзостью, — ведь она подражала лику бога Осириса.

Растревоженная стая диких гусей поднялась из береговых зарослей, взмыла в небо и, выстроившись клином, взяла направление на запад, через Нил, к сверкающим скалам нагорья мертвых. Хатшепсут взглядом проследила за их полетом. От яркого утреннего солнца резало глаза. Принцесса опустила взор и... ею овладел ужас. Испугавшись, она ухватилась за мускулистую ногу Нехси, обвила руками его колено и неотрывно смотрела на маленькую служанку, лежавшую перед ней в лодке с безжизненно остекленевшими глазами. В левой груди девушки застряла стрела, вонзившаяся так глубоко, что наружу торчало только оперение. Алая кровь, сочившаяся из раны, окрашивала в багряный цвет связанные пачки папируса, из которых была сделана лодка.

Даже Нехси, словно пораженный молнией Амона, на мгновение застыл в растерянности. Однако он бы-

стро взял себя в руки и, мощно налегая на шест, погнал ладью через тростниковые заросли к берегу. Высоким носом ладьи он прорезал прибрежный ил, прочно закрепил лодку на суше и, выскочив из нее, огромными прыжками помчался вверх по склону.

Хатшепсут было невыносимо оставаться рядом с мертвым телом, и она бегом припустилась за нубийцем. Только теперь до ее сознания дошло, что смертоносная стрела, скорее всего, предназначалась ей, принцессе, а не бедной служанке. При дворе фараона плелось немало интриг вокруг престолонаследия. У Тутмоса не было наследников мужского пола. Казалось, на роду Яхмосидов¹ лежало проклятие.

Хатшепсут остановилась, решив, что лучше затаиться в прибрежных зарослях. С бьющимся сердцем она прислушалась к неумолчному шелесту тростника, робко огляделась по сторонам, а потом присела и спрятала лицо в коленях.

Звучный голос Нехси заставил ее насторожиться. Бранясь почему зря, он гнал перед собой юношу, долговязого, жилистого, с осторожной, как у кошки, и грациозной, как у газели, поступью. В руках незнакомца был тяжелый лук, а по его бедрам бил колчан со стрелами. Нубиец пинал его, пока не дотолкал до того места, где причалила ладья принцессы.

Хатшепсут поднялась.

— Он клянется, что охотился на диких гусей! — крикнул Нехси и так наподдал парню, что тот, неуклюже пе-

---

¹ Династия фараонов в Древнем Египте. Яхмос I — египетский фараон в 1559—1534 гг. до н. э., первый царь 18 династии (1580—1314 гг. до н. э.). (Примеч. ред.)

ребирая ногами, пролетел вперед и упал. А когда протянул руку за выскользнувшим луком, нубиец прыгнул и с такой силой придавил ее к земле, что юноша скрючился и взвыл от боли подобно шакалу.

— Ах ты, песий сын! Хотел убить Хатшепсут? Наследницу трона! Дочь фараона! — Нехси схватил лучника за патлы и вздернул его голову так, что бешено вращающиеся глаза оказались вровень с лицом несчастного. — Кто приказал тебе? Какие гиены пустыни? Что тебе посулили за это?

Но юноша не отвечал, только орал от боли. Нехси отпустил его лишь после того, как Хатшепсут подошла и дала чернокожему слуге знак освободить жертву. Юноша поднялся.

Теперь, когда его взгляд уперся в мертвую девушку на папирусной лодке, он не мог отвести глаз от крови, струящейся из ее груди, и только лепетал снова и снова:

— Я не хотел, поверьте мне, я не хотел!

— Как твое имя? — спросила Хатшепсут.

Парень не отваживался поднять взор на принцессу, лишь шаркал босыми ногами по песку.

— Меня зовут Сененмут, — наконец робко ответил он. — Я — сын Рамоса, которого фараон наградил за храбрость ожерельем доблести, когда он после битвы с азиатами принес трофеи — больше десятка кистей наших врагов.

— Ты — жалкое ничтожество, и твоему достойному отцу придется оплакивать тебя, когда изуродованное тело его жалкого отпрыска, присыпанное песками пустыни запада, разроют и изложут шакалы да стервятники! — Нехси занес кулак для очередного удара, но Хатшепсут остановила нубийца:

— Дай ему сказать! Приговор еще не вынесен.

Сененмут заслонился руками. Сквозь пальцы он видел все ту же мертвую девушку в ладье и, надеясь отогнать дурной сон, тряс головой.

— Поверьте, — не переставал бормотать он, — я не хотел этого... Я охотился на диких гусей, я часто это делаю и всегда ухожу с добычей, правда... А сегодня бог направил мою стрелу в неверную цель, клянусь отцом моим Рамосом и матерью моей Хатнефер...

— Умолкни со своими клятвами, — оборвал его Нехси. — Знаем, что стрела твоя предназначалась не служанке. Целью твоего подлого выстрела была принцесса!

Сененмут упал перед Хатшепсут на колени и принялся биться головой о красный песок.

— О, Прекраснейшая из женщин, Золотой бутон, Лучшая по благородству!¹ — стонал он. — Если на то воля Сета, бога всего злого, пусть я умру за смерть этой невинной девушки! Но Гор мне свидетель: стрела, выпущенная из моего лука, была предназначена одному лишь серому гусю!

Хатшепсут жестом велела юноше подняться и молча смерила его долгим пристальным взглядом. Глаза несчастного, устремленные на нее с мольбой, были полны слез.

— Ты призываешь Гора в свидетели, — задумчиво сказала она. — Пусть будет так. Пусть бог Обоих горизонтов решит, правду ли ты говоришь. Положимся на приговор великого Гора. Да будет воля его!

---

¹ Хатшепсут — в переводе с древнеегипетского означает «Лучшая по благородству».